

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-16-22>

Вербализация образа сада как одного из ключевых образов сакрального пространства (на материале произведений С. Есенина)

Юлия Леонидовна Дмитриева

Горловский институт иностранных языков, Горловка, ДНР, Россия, Juls88Dmutrieva@yandex.ru

Аннотация

В современном языкознании исследование особенностей моделирования и объективации пространства квалифицируется как одна из вечных тем. В научной литературе при определении пространства превалирует дефиниционная модель «пространство – категория», однако исследователи отмечают тесную связь данного феномена с картиной мира этноса. Пространство задает в рамках картины мира структуру и границы мира. Параметры пространства, по которым оно моделируется в сознании индивида, задаются культурой. В их числе и измерение пространства. Традиционным для русской лингвокультуры является горизонтально ориентированная пространственная модель мира. Однако под влиянием христианства формируется также вертикально ориентированная пространственная модель. Воспринимаемое в вертикальной плоскости пространство членится на пространство бытия (или земное пространство) и сакральное пространство. Кроме того, пространство отображается в сознании человека рядом тактильных, визуальных, динамических и иных образов. В их число включаем и образ сада, который относим к образам сакрального пространства. *Цель* статьи – описать средства экспликации рассматриваемого образа в творчестве поэта. Материалом исследования послужили тексты стихотворений и маленьких поэм С. Есенина. Корпус фактического материала подбирался методом сплошной выборки, также были использованы метод контекстуального анализа и лингвокультурологический анализ. В ходе исследования выявлены индивидуально-авторские особенности моделирования пространства в лирике С. Есенина, в которой образ сада занимает пограничное положение между земным и сакральным пространством. В русской лингвокультуре образ сада традиционно рассматривается как один из локусов сакрального пространства, соотносимый с раем. В нем обитали божественные сущности, праведники и души умерших (вербализован в текстах рязанского поэта сочетанием *райский сад, голубой сад*). Изучение средств экспликации образа сада как ключевого образа сакрального пространства в творчестве С. Есенина позволило выявить синкретизм восприятия пространства и мира в целом, описать черты русской лингвокультуры, которые отображены и транслируются в произведениях автора. Значимость проведенного исследования заключается в отражении авторского моделирования пространства и осмысления реалий и их образов сквозь призму категорий «свой – чужой».

Ключевые слова: лингвокультура, пространственная модель мира, локус, дефиниционная модель, образ, сакральное пространство

Для цитирования: Дмитриева Ю. Л. Вербализация образа сада как одного из ключевых образов сакрального пространства (на материале произведений С. Есенина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 16–22. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-16-22>

Verbalization of the image of the garden as one of the key images of the sacred space (by the material of the works of S. Yesenin)

Yulia L. Dmutrieva

*Gorlovka Institute for Foreign Languages, Gorlovka, DPR, Russian Federation,
Juls88Dmutrieva@yandex.ru*

Abstract

In modern linguistics, the study of the features of modeling and objectification of space qualifies as one of the “eternal” topics. In the scientific literature, when defining space, the definitional model “space – category” prevails, however, researchers note the close connection of this phenomenon with the picture of the world of the ethnic group. Space defines the structure and boundaries of the world within the framework of the picture of the world. The parameters of space, according to which it is modeled in the mind of an individual, are set by culture. Among them is the dimension of space. Traditional for Russian linguistic culture is a horizontally oriented spatial model of the world. However, under the influence of Christianity, a vertically oriented spatial model is also formed. The space perceived

in the vertical plane is divided into the space of being (or earthly space) and sacred space. In addition, the space is displayed in the human mind by a number of tactile, visual, dynamic and other images. Among them we include the image of the garden, which we refer to the images of sacred space. The purpose of the article is to describe the means of explication of the considered image in the poet's work. The material of the study was the texts of poems and short poems by S. Yesenin. The corpus of factual material was selected by the method of continuous sampling; the method of contextual analysis and linguoculturological analysis were also used. As a result of the study, individual-author's features of space modeling in S. Yesenin's lyrics were revealed, in which the image of a garden occupies a border position between earthly and sacred space. In Russian linguistic culture, the image of a garden is traditionally regarded as one of the locus of the sacred space, correlated with paradise. It was inhabited by divine beings, the righteous and the souls of the dead (verbalized in the texts of the Ryazan poet by the combination Garden of Edem, blue garden). The study of the means of explication of the image of the garden as a key image of the sacred space in the work of S. Yesenin made it possible to identify the syncretism of the perception of space and the world as a whole, to describe the features of Russian linguistic culture, which are displayed and broadcast in the author's works. The significance of the study lies in the reflection of the author's modeling of space and understanding of realities and their images through the prism of the category "own or another's".

Keywords: *linguoculture, spatial model of the world, locus, definition model, image, sacred space*

For citation: Dmitrieva Yu. L. Verbalizatsiya obraza sada kak odnogo iz klyuchevykh obrazov sokral'nogo prostranstva (na materiale proizvedeniy S. Esenina [Verbalization of the image of the garden as one of the key images of the sacred space (by the material of the works of S. Yesenin)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 16–22 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-16-22>

Введение

Пространство неоднократно становилось объектом исследовательского интереса лингвистов. Его изучение, как и «анализ и описание средств вербализации пространства, предстает как одна из вечных тем языкознания, филологии, философии» [1, с. 5]. Сегодня нет единой дефиниционной модели для определения рассматриваемого феномена. Его трактуют как фрагмент языковой картины мира этноса (Е. С. Яковлева, О. А. Рачук, З. А. Мельничук, М. В. Осыка, Т. С. Медведева, Л. К. Хертек и др.), как текстообразующую категорию (Н. С. Болотнова, Т. В. Матвеева, Н. А. Николина, Л. Г. Бабенко, О. А. Корда, П. Ю. Повалко и т. д.), как отражательную семантическую категорию (Л. Н. Федосеева, Т. Е. Алексеева и др.) и как категорию функциональной грамматики (А. В. Бондарко, В. Г. Гак, Е. В. Рахилина, Ф. И. Панков и т. д.).

Ученые отмечают первичность пространства, в силу чего оно легче поддается осмыслению и отображению. Так, Р. Н. Порядина пространственные отношения в наивной картине мира этноса трактует как геометрические позиции объектов относительно субъекта их восприятия. В число основных свойств пространства ученый, вслед за В. Н. Топоровым (см. [2, с. 238–239]), включает способность быть заполненным какими-либо объектами. Именно это лежит в основе выделения ряда пространственных моделей.

Мы рассматриваем пространство как модель мира, при построении которой релевантны следующие параметры: геометрические позиции объектов, выраженные формами языка; бинарные признаки характеристики пространства; при-

знаки культурно-социального начала; плоскость восприятия пространства (горизонтальная/вертикальная) [3].

В соответствии с последним параметром, а также в силу влияния на русскую лингвокультуру православия пространственная модель мира бывает горизонтально и вертикально ориентированной. В рамках последней пространство дифференцируется на пространство бытия (или «этот свет») и пространство инобытия (или сакральное пространство, «тот свет»). Причем такое деление базируется также на представлении о населяющих пространство объектах. Л. Г. Гынгазова, описывая вертикальную плоскость восприятия пространства, отмечает, что и земное, и сакральное пространства начинают ассоциироваться соответственно с жизнью и смертью. Причем смерть «трактруется как путь человека с поверхности земли в ее недра» [1, с. 85]. Однако в представлениях славян, по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого, сакральное пространство соотносилось с небесами, которые были недостижимы и непостижимы для наших предков. Именно там обитали сначала божества славянского пантеона, а позднее – Бог и святые христианской религии. В указанном лексикографическом источнике отмечается, что именно на небесах располагался у большинства славян рай. Кроме того, данное пространство рассматривалось именно как сакральное, поскольку было далеко за пределами культурно ассимилированного земного пространства и не существовало единых представлений о его устройстве. Как правило, оно моделировалось либо как аналог земного

пространства, либо как его полная противоположность. «В любом варианте устройства мирового пространства выделяется земля как место жизни людей и потустороннее пространство как место обитания душ умерших, святых и мифологических существ. В более поздней картине мира, сложившейся под влиянием христианства, „тот свет“ подразделяется на рай как место загробного пребывания праведников и высших сакральных сил и ад как место пребывания грешников и демонов» [4, с. 305]. Отметим, что одним из ключевых образов, отображающих в сознании носителей русской лингвокультуры сакральное пространство, является образ сада. Именно необходимостью системного описания средств вербализации данного образа в текстах С. Есенина определяется актуальность данной работы.

Цель исследования – анализ языковых единиц, эксплицирующих образ сада как одного из ключевых в вертикально ориентированной пространственной модели мира произведений С. Есенина.

Материал и методы

Материалом исследования послужили номинации, объективирующие образ сада в стихотворениях и маленьких поэмах рязанского поэта. Корпус фактического материала был сформирован методом сплошной выборки. Всего проанализировано 299 текстов и вариантов, включая другие редакции, стихотворений и 39 маленьких поэм автора. При выделении основных когнитивных признаков образа применялся метод словарной дефиниции. Метод контекстуального анализа использовался при исследовании средств объективации образа сада как локуса сакрального пространства. Лингвокультурологический анализ фактического материала позволил выявить как свойственные русской лингвокультуре, так и индивидуально-авторские черты отображения сакрального пространства в произведениях С. Есенина.

Результаты и обсуждение

В современной лингвистике образ определяется по нескольким дефиниционным моделям в зависимости от направления изучения. В их числе «образ – компонент структуры концепта/лингвокультуры», «образ – единица лингвокультуры», «образ – элемент семантической структуры слова». Н. Ф. Алефиренко и Ю. Н. Караулов понимают под образом единицу сознания, которая принимает участие в процессах категоризации и концептуализации онтологического мира. Так, Н. Ф. Алефиренко рассматривает образ как единицу этнокультурного сознания, ко-

торая формируется в сознании человека благодаря накопленному опыту взаимодействия с окружающей средой. Ученый отмечает, что в сознании индивида моделируются пресуппозиции «в виде определенных эталонов, создающих образ» [5, с. 12].

В работах Е. Г. Беляевской образ трактуется и как один из этапов познания человеком действительности, и как ментальный конструкт, формируемый на базе исходного объекта восприятия и служащий его репрезентантом.

Модель «образ – компонент структуры концепта/лингвокультуры» репрезентирована в трудах С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, В. В. Колесова, И. А. Стернина, З. Д. Поповой. В них образ рассматривается как первичный источник информации о реалиях онтологического мира, с которыми взаимодействует человек.

Наконец, в исследованиях Н. А. Илюхиной, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юриной образ определяется как компонент семантической структуры слова. Соответственно, он фиксируется как в словарной дефиниции, так и в примерах использования данного вербального знака. Образ лингвисты рассматривают как «конкретно-чувственное представление о называемом предмете посредством ассоциативного сближения с другим предметом» [6, с. 29].

Мы под образом понимаем одну из базовых единиц лингвокультуры, содержащую вербализованное отображение предметного мира, фиксирующее фактуру, объем, пространственное положение познаваемого предмета. Кроме того, образ способен выполнять функции эталона и вносить в структуру слова культуросносную информацию, а также обладает способностью приобщать индивидуума к единой для этноса картине мира.

В языковом опыте носителей русской лингвокультуры за номинацией *сад* закреплено значение «участок земли для выращивания садовых растений (цветов, фруктовых деревьев и кустарников), произрастающих на таком участке» [7]. В данной дефиниции репрезентированы следующие когнитивные признаки образа сада: «участок культурно ассимилированного пространства», «совокупность растений, занимающих отведенное человеком место». Кроме того, в рассматриваемом определении зафиксировано отнесение образа сада к земному пространству (или включение его в горизонтально ориентированную пространственную модель мира). В проанализированных произведениях С. Есенина актуализированы как перечисленные выше когнитивные признаки (анализ значимости данного

образа в творчестве С. Есенина представлен М. В. Скороходовым [8, с. 205–207]), так и репрезентировано отнесение образа сада к вертикально ориентированной пространственной модели мира.

Отметим, что в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» сад рассматривается как «локус, в традиционной культуре и фольклоре образ рая...» [4, с. 530]. Такое представление, согласно мнению автора словарной статьи Т. А. Агапкиной, характерно для всех славян и зафиксировано в устном народно-поэтическом творчестве (песнях, сказках, легендах, поверьях, преданиях). Кроме того, моделирование рая как сада зафиксировано и в текстах Ветхого и Нового Заветов, апокрифах и др.

«Словаки и словенцы считали рай неувядаящим садом, – пишет Т. А. Агапкина, – болгары в Самоково верили, что рай – это сад, где находятся души умерших, перед каждым из которых стоит стол, а на нем – все, что подали при жизни сами умершие, а также все то, что подали в память о них их близкие; русские Владимирской губернии представляли себе рай в образе большого сада с золотыми и серебряными домами» [4, с. 530].

Образ сада, отождествляемый с раем, согласно преданиям, описывается как некое место, которое располагалось на востоке. В данном саду росли как вечнозеленые, так и плодовые деревья, плоды которых обладали определенными магическими свойствами (например, молодильные яблоки). Также в саду цвели цветы и протекал источник с чудодейственными водами. Именно так изображался образ сада на северно-русских прялках. Кроме того, в райском саду произрастало мировое дерево (см. [9, с. 69]).

Будучи соотношенным с раем как одним из локусов сакрального пространства, сад связывается с «тем светом». Это зафиксировано в поверьях и рассказах о преодолении границы между земным и сакральным пространством и посещении последнего. Например, в сказках наших предков главный герой попадает в сакральное пространство, которое описывается как диковинный сад. «В пермских обмираниях упоминается о больших садах, где побывал странствующий по „тому свету“ человек. В легендарных и волшебных сказках, в которых описывается пребывание героя на „том свете“, рай-сад полон деревьев (не обязательно плодовых, ср. „березовый сад“), цветов, там есть река, там много птиц, поющих чудесными голосами, и разных зверей, ласковых и красивых, там растут фрукты и ягоды, гуляют малые дети, там стоит огромный дом, в котором живет Бог, и т. д.» [4, с. 530].

Данные представления объективированы и в стихотворениях и маленьких поэмах С. Есенина, характерной особенностью пространственной модели мира произведений которого является синкретизм земного и сакрального пространств. Так, в строках *Как кладбище, усеян сад / В берез изглоданные кости* [10, т. 1, с. 196] образ сада сравнивается с кладбищем, т. е. с «местом, предназначенным для погребения умерших» [7]. В данном примере актуализировано восприятие сада как сакрального пространства, которое находится в горизонтальной плоскости восприятия человеком. Оно доступно для непосредственного взаимодействия, однако с данным локусом в русской лингвокультуре связаны представления о пребывании душ умерших и демонов. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что кладбище рассматривается как «святое» место, где необходимо соблюдать определенный ритуальный этикет.

Кроме того, по данным указанного лексикографического издания, образ сада в русской лингвокультуре также ассоциируется с представлениями о смерти, которые актуализированы в примере *Вот так же отцветем и мы / И отшумим, как гости сада...* [10, т. 1, с. 196]. Автор использует лексему *гость*, которая в русской лингвокультуре указывает на отнесенность к «чужому». Ср.: «Принадлежностью к сфере ‘чужого’ определяется в народной традиции особый статус **гостя**, **нищего** (странника), **священника**, **колдуна**, что проявляется в ‘ритуализованном’ отношении к ним» [4, с. 582] (сохранено выделение источника цитирования. – Ю. Д.). Представления о смерти в анализируемых поэтических строках выражены предикатами *отцветети* и *отшуметь*, в которых приставка *от-* выражает значение «завершение и прекращение названного действия» [11, с. 184].

Соответственно, образ сада в произведениях С. Есенина, являясь одним из образов горизонтально ориентированной модели мира, выступает как пограничный, через который возможно соприкосновение с «тем светом». Кроме того, рассматриваемый образ в лирике С. Есенина репрезентирует традиционные для русской лингвокультуры представления о смерти и ассоциируется с кладбищем, т. е. с сакральным пространством.

Образ сада в произведениях поэта рассматриваем как ключевой и для вертикально ориентированной пространственной модели мира. Зафиксированное в русской лингвокультуре представление о «том свете» как о райском саде объективировано в ряде произведений писателя. Так, в строках *Звонкий мрамор белых лестниц /*

Протянулся в райский сад [10, т. 2, с. 15] образ сада выражен как соответствующим именем существительным, так и именем прилагательным *райский*, указывающим на отнесенность образа к сакральному пространству. На такое расположение локуса указывает и предложенный в тексте путь, эксплицированный словом *лестница*. Данный вербальный знак номинирует границу между земным и сакральным пространством, преодолев которую лирический субъект проникает (или возвращается, как в маленькой поэме «Микола») в рай. Отметим, что лестница в творчестве С. Есенина не случайно связывает земное и сакральное. Этот элемент позаимствован поэтом из сюжетов лубочных картин.

В другом примере образ сада выражен словосочетанием *голубой сад*. Отметим, что адъектив *голубой* объективирует не только цветовое восприятие образа, но и его символическое значение. По мнению исследователей жизни и творчества С. Есенина С. Ю. Куняева и С. С. Куняева, голубизна у него приравнивается к святости (см. подробнее [12, с. 531–532]. В «Энциклопедии знаков и символов» О. В. Вовка данный цвет трактуется как «синоним божественного, чистого и возвышенного» [13, с. 36]. Например, в иконографии нимбы святых изображали именно голубым цветом. В произведении С. Есенина образу райского сада присуща данная цветовая характеристика, которая также выступает маркером принадлежности описываемого локуса к сакральному пространству.

Кроме того, в произведении перечислены виды деревьев, произрастающих в таком саду. Ср.: *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* [10, т. 2, с. 28]. Отметим, что в русской лингвокультуре яблони традиционно произрастали в сакральном пространстве, в которое попадает герой текстов устного народно-поэтического творчества. А их плоды даруют попробовавшему вечную молодость. Ср.: «Будучи соотнесенным с раем, сад связывается и с „тем светом“, что особенно заметно в поверьях и рассказах о посещении иного мира. В восточнославянских сказках герой попадает через глубокий колодец в чудесный сад, где растут деревья, на которых зреют плоды, дающие силу (моложавые, или молодильные, яблоки)» [4, с. 530].

В Ирии (райском саду славян) были высажены одним из верховных богов языческого пантеона вишни, посвященные богу Вышеню. К ним, согласно поверьям славян, прилетала мифическая птицедева Гамаюн. Соответственно, в произведении С. Есенина репрезентированы традиционные для русской лингвокультуры представления о райском саду. Кроме того, в данном примере

репрезентирована метафорическая модель «человек → дерево», объективированная лексемами *мы, яблони, вишни*.

Отметим, что в издании «Сергей Есенин и русская духовная культура» О. Е. Вороновой описывается особая синкретичность русского православия, которое объединяет одновременно и каноническое учение, и элементы язычества (см. [14, с. 22]). Это отражено и в произведениях С. Есенина. Так, в строках *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* [10, т. 2, с. 28] репрезентировано одновременно характерное для язычества восприятие посмертия и отсылка к библейскому тексту о том, что до грехопадения люди жили в райском саду, в который попадут праведники после воскрешения.

В маленькой поэме «Пришествие» лирический субъект обращается к Богу, указывая на противоречивость происходящего в земном мире. Вследствие чего нарушается связь (вербализованная лексемой *лестница*) между «этим» и «тем» светом. Ср.: *Лестница к саду твоему / Без приступок* [10, т. 2, с. 49]. Предложно-падежная форма без приступок квалифицируется как репрезентация увеличения дистанции между земным и сакральным, которую становится трудно преодолеть. Отметим, что исследователи творчества С. Есенина предлагают делить его на несколько типов в соответствии с доминирующим принципом мироощущения. Так, С. Н. Пяткин, анализируя один из периодов творчества русского поэта, указывает на двойственность восприятия С. Есениным родного края. Поэт, по словам исследователя, словно стоит «на границе двух миров: чаемой Руси-Инонии и Руси настоящей» [15, с. 77], сотрясаемой революционными и военными событиями, изменениями в государственном и социальном строе, отрицанием религии, объявленной «опиумом для народа». Именно этим обусловлен иллюстрируемый в произведении разрыв между двумя соотнесенными (и в ранней лирике взаимопроникающими друг в друга) пространствами: *Как взойду, как поднимусь по ней / С кровью на отцах и братьях?* [10, т. 2, с. 49]. Лирический субъект задается вопросом, возможно ли преодоление границы-лестницы и проникновение в сакральное пространство после участия в событиях, повлекших смерть близких и знакомых. Отметим, что в комментариях ко второму тому полного собрания сочинений С. Есенина строки *Лестница к саду твоему / Без приступок* [10, т. 2, с. 49] рассматриваются как вербализация одного из традиционных сюжетов лубочных картин. Ср.: «...именно „без приступок“ обычно изображалась она на лубочных картинках с соответству-

ющим сюжетом» [10, т. 2, с. 323]. Таким образом, в произведении поэта репрезентировано не только индивидуально-авторское моделирование земного и сакрального пространства, но и традиционное для русской культуры видение, зафиксированное в объектах материальной культуры.

В произведении «Преображение» лирический субъект описывает пришествие сущности, обитающей в сакральном пространстве. В тексте автором используются вербальные знаки, выражающие представление о распятии Христа (*распятого, вынуть гвоздь* и др.). Отметим, что прямо гость не именуется в стихотворении (маленькой поэме). Однако на его принадлежность к «тому свету» указывают вербальные знаки *гость, светлый, в сады*. Так, лексема *гость*, как отмечалось нами выше, в русской лингвокультуре эксплицирует представления об отнесении субъекта к «чужому». Имя прилагательное *светлый* рассматриваем как указание на принадлежность раю, поскольку его можно трактовать как визуальное восприятие лирическим субъектом ореола небожителя. Наконец, описываемый в произведении лирический герой не является (мыслится) как представитель земного пространства, местом его обитания в тексте назван образ сада. Ср.: *А когда над Волгой месяц / Склонит лик испить воды, – / Он, в ладью златую свесясь, / Уплывет в свои сады* [10, т. 2, с. 56].

В то же время в данном произведении также наблюдается синкретизм христианских и языческих представлений о мироустройстве (и, соответственно, устройстве пространства). Анализируемые строки также репрезентируют миф, изложенный в настольной книге С. Есенина «Поэтические воззрения славян на природу» А. И. Афанасьева (см. [14, 15]). Согласно указанному источнику, так изображался в мифологии

древних греков бог солнца Гелиос, который в золотой ладье переплывал небо, направляясь в локус, объективированный в тексте поэта лексемой *сад*.

Заключение

Итак, в проанализированных произведениях С. Есенина образ сада выражен вербальным знаком *сад*, а также номинациями произрастающих в нем растений – *яблоня, вишня*. Образ сада относится к образам вертикально ориентированной пространственной модели мира. В стихотворениях поэта образ сада характеризуется именами прилагательными *райский, голубой*.

Также образ сада эксплицирован метафорической моделью «сад → человек», ведь происходящие с локусом изменения отождествляются с изменениями душевного состояния лирического субъекта, а также являются отсылкой к библейским текстам, согласно которым первоначально человек обитал в раю – локусе сакрального пространства.

Образ сада в произведениях С. Есенина категоризируется одновременно и как «свое», и как «чужое». В качестве одного из ключевых образов сакрального пространства образ сада в произведениях «последнего поэта деревни» в соответствии с традиционными для русской лингвокультуры представлениями ассоциируется со смертью, умершими. В проанализированных текстах данный образ сравнивается с кладбищем. Также в лирике русского поэта он относится к сакральному (райскому) пространству, в котором обитают божественные сущности (греческий бог солнца Гелиос, христианский Бог-отец и его сын Иисус). Однако данное описание не является исчерпывающим. Перспективу дальнейших исследований составляет анализ средств вербализации образа сада в текстах поэм С. Есенина.

Список источников

1. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др.; отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. 384 с.
2. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
3. Дмитриева Ю. Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. № 1. 2021. С. 33–38.
4. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. 656 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. Языкознание. 2021. № 4 (80). С. 10–18.
6. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 25.02.2023).
8. Скорыходов М. В. «Низкий дом» и «Дом с мезонином» – две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 194–211.

9. Дмитриева Ю. Л. Пространственная модель мира в произведениях С. А. Есенина // Современное есениноведение: науч.-метод. журн. 2020. № 4 (55). С. 63–70.
10. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 1. 672 с.; 1997. Т. 2. 464 с.
11. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев: Рад. школа, 1982. 240 с.
12. Куняев С. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2010. 593 с.
13. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.
14. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: научное издание. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.
15. Пяткин С. Н. Пушкин в художественном сознании Есенина. Саров: Интерконтакт, 2017. 405 с.

References

1. Poryadina R. N., Gyngazova L. G., Emer Yu. A. (comps.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text]. Rezanova Z. I. (ed.). Tomsk, UFO-Plus Publ., 2007. 384 p. (in Russian).
2. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura – Text: semantics and structure*. T. V. Tsyv'yan (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1983. Pp. 227–284 (in Russian).
3. Dmutriyeva Yu. L. Parametry prostranstvennoy modeli mira (na materiale poezii S. Eсенина) [Parameters of the spatial model of the world (on the material of S. Yesenin's poetry)]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya – Bulletin of Donetsk National University. Ser. D: Philology and Psychology*, 2021, no. 1, pp. 33–38 (in Russian).
4. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5 tomakh* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. In 5 volumes]. Tolstoy N. I. (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2009. Vol. 4. 656 p. (in Russian).
5. Alefirenko N. F. Yazykovyye obrazy kak edinit'sy etnokul'turnogo soznaniya [Language images as units of ethnocultural consciousness]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Yazykoznaniye – Humanitarian research. Linguistics*, 2021, no. 4 (80), pp. 10–18 (in Russian).
6. Yurina E. A. *Obraznyy stroy yazyka* [Figurative structure of language]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2005. 156 p. (in Russian).
7. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Big Dictionary of the Russian Language]. S. A. Kuznetsov (ed.). St. Petersburg, Norint Publ., 2000 (in Russian). URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (accessed 25 February 2023).
8. Skorokhodov M. V. “Nizkiy dom” i “Dom s mezoninom” – dve modeli “russkogo mira” v tvorchestve Sergeya Eсенина [The “Low House” and the “House with a Mezzanine” – Two Models of the “Russian World” in Sergey Esenin's Work]. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 194–211 (in Russian).
9. Dmutriyeva Yu. L. Prostranstvennaya model' mira v proizvedeniyakh S. A. Eсенина [Spatial model of the world in the works of S. A. Yesenin]. *Sovremennoye eseninovedeniye: nauchno-metodicheskiy zhurnal*, 2020, no. 4 (55), pp. 63–70 (in Russian).
10. Yesenin S. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 tomakh* [Complete Works. In 7 vols.]. Moscow, Nauka – Golos Publ., 1995, vol. 1, 1995. 672 p.; vol. 2, 1997. 464 p. (in Russian).
11. Tsyganenko G. P. *Slovar' sluzhebnykh morfem russkogo yazyka* [Dictionary of service morphemes of Russian language]. Kiev, Rad. shkola Publ., 1982. 240 p. (in Russian).
12. Kuniyayev S. Yu., Kuniyayev S. S. *Sergey Esenin* [Sergey Yesenin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. 593 p. (in Russian).
13. Vovk O. V. *Entsiklopediya znakov i simvolov* [Encyclopedia of signs and symbols]. Moscow, Vechе Publ., 2006. 528 p.
14. Voronova O. E. *Sergey Esenin i russkaya dukhovnaya kul'tura* [Sergei Yesenin and Russian Spiritual Culture]. Ryazan, Uzoroch'ye Publ., 2002. 520 p. (in Russian).
15. Pyatkin S. N. *Pushkin v khudozhestvennom soznanii Eсенина* [Pushkin in the artistic consciousness of Yesenin]. Sarov, Interkontakt Publ., 2017. 405 p. (in Russian).

Информация об авторе

Дмитриева Ю. Л., кандидат филологических наук, доцент, доцент, докторант, Горловский институт иностранных языков (ул. Рудакова, 25, Горловка, ДНР, Россия, 284626).

Information about the author

Dmutriyeva Yu. L., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, PhD student, Gorlovka Institute of Foreign Languages (ul. Rudakova, 25, Gorlovka, DPR, Russian Federation, 284626).

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 26.02.2023; accepted for publication 26.09.2023